

Этот мир устроен так, что обычные люди испокон веков соседствуют с духами-оборотнями и теми, кого природа наделила особыми, скрытыми от лишних глаз талантами.

Тысячелетия назад на Востоке разразилась жестокая межрасовая война. Тогда предки великого клана Мо — старейшей семьи Сопровождающих Духов — возглавили борьбу, сумели примирить враждующие стороны и основали Альянс. Та древняя битва принесла простым смертным слишком много горя и оставила в их памяти глубокие шрамы, поэтому выжившие духи-оборотни и одаренные предпочли скрыть свою суть, растворившись в толпе. Шли века, и летопись тех темных времен постепенно стиралась со страниц человеческой истории. В наши дни лишь в редких преданиях да в семейных архивах немногих древних кланов еще можно отыскать упоминания о прежнем мире. Для большинства же людей эти загадочные существа давно превратились в красивые сказки.

Но правда в том, что некоторые из ваших соседей, кажущиеся совершенно обычными при свете дня, ночью являют свою истинную, пугающую и прекрасную природу. Их древние инстинкты то и дело прорываются сквозь маску цивилизованности.

Двадцать с лишним лет назад один бродячий даос был приглашен в поместье главы клана Мо из Императорской столицы, чтобы составить гороскоп для его новорожденного сына. Покинув гостеприимный дом в глухую зимнюю стужу, старик наткнулся в сугробе на брошенного младенца и забрал его с собой.

Все последующие годы по всему Альянсу упорно ползли слухи: у нового наследника клана Мо, Мо Линьюаня, так и не пробудился Сопровождающий Дух.

Двадцать лет спустя.

Линь Цзяэр спал беспокойно, проваливаясь в вязкую полудрему. Он понимал, что видит сон — тот самый, который снился ему уже сотни раз. В нем являлся его «маленький ангел», девочка, в которую он безоглядно влюбился еще в глубоком детстве.

Во сне ему снова было всего шесть лет. Не удержавшись, он легонько поцеловал ее в нежную пухлую щечку — и тут же проснулся от громкого детского плача, эхом прозвучавшего в голове.

Цзяэр открыл глаза, чувствуя глухую, непонятную обиду. Поворочавшись с боку на бок и скомкав одеяло, он рывком сел на постели. Рука привычно потянулась к прикроватной тумбочке и после недолгих поисков нащупала деревянную рамку.

Тяжелые темно-синие портьеры почти не пропускали утренний свет, но для Цзяэра это не было помехой. В полумраке его зрачки странно расширились, улавливая малейшие отблески, а глаза загадочно замерцали. Он пристально взгляделся в лицо на рисунке и обиженно надул губы.

В этот момент в дверь негромко постучали. Раз, два, три. Затем раздался мужской голос:

— Цзяэр, ты там живой вообще? Встал?

Повисла короткая пауза. Не дождавшись ответа, гость проворчал себе под нос:

— Ну конечно, с его-то дурацкой привычкой путать день с ночью... Разве он поднимется сам? Придется пускать в ход тяжелую артиллерию.

Слух у Цзяэра был на редкость острым. Даже через массивную дверь с отличной звукоизоляцией он расслышал это тихое бурчание до единого слова. Он закатил глаза. Как же он мог забыть, что вчера к нему завалился Ван Хао и улегся спать в гостевой комнате?

Цзяэр с легким сожалением провел пальцами по стеклу рамки и уже собирался поставить ее обратно, как дверь бесцеремонно распахнулась.

Ван Хао решительно вошел в комнату, подошел к панообразующему окну и одним махом раздернул плотные шторы. Утреннее солнце хлынуло в комнату, мгновенно залив каждый угол ярким светом и обнажив весьма причудливую обстановку.

Ван Хао бывал здесь не раз, но всякий раз у него невольно дергался глаз при виде этого безобразия. Поверить, что здесь живет взрослый двадцатилетний парень, было решительно невозможно. Ему даже не хватало слов, чтобы описать царящий здесь хаос.

Комната оказалась довольно просторной, однако из-за обилия вещей простор этот скрадывался. Внимание сразу привлекала огромная кровать, выполненная в виде забавной кошачьей морды, с пышным, невероятно мягким матрасом — на такой постели хотелось забыть обо всем и проспать до вечера. Пол устилал густой пушистый ковер, в котором по щиколотку тонули босые ноги. Но самым удивительным элементом интерьера был гигантский вольер, занявший места едва ли не больше, чем сама кровать. Внутри покачивались качели, украшенные искусственными цветочными венками, лежал огромный шерстяной клубок и змеилась винтовая горка... Несмотря на всю диковинность, спальня выглядела чистой, прибранной и по-своему очень уютной.

Ван Хао закрыл лицо ладонью, чувствуя, что его эстетическое чувство бьется в конвульсиях. И откуда у его друга детства такие извращенные вкусы? Он еще в ранние годы замечал за Цзяэром странности, но это зрелище каждый раз лишало его дара речи. Ладно все остальное, но какой нормальный человек добровольно поставит в собственной спальне клетку? Да еще и набьет ее кошачьими игрушками. Тут уж одно из двух: либо у парня детство в одном месте играет, либо с головой не все в порядке.

Решив больше не травмировать психику, Ван Хао повернулся к кровати, готовясь к долгому и упорному сражению за пробуждение своего ленивого друга. Однако, к его изумлению, Цзяэр уже сидел на постели, протирая глаза.

— Ого, Цзяэр! Неужто солнце сегодня взошло на западе? — удивился Ван Хао. — Наш главный

полуночник соизволил проснуться в такую рань без пинков?

Этот парень не просто обожал странные вещи — он вел исключительно ночной образ жизни, отсыпаясь днем. Настоящая сова. Обычно, чтобы вытащить его из постели, приходилось устраивать целое представление.

Резкий свет заставил Цзяэра зажмуриться. Зрачки его мгновенно сузились, превратившись в узкие вертикальные щелочки — так реагируют на яркое солнце кошачьи глаза. Будь Ван Хао чуть внимательнее, он непременно заметил бы это странное изменение. Но тот вечно витал в облаках, да и сам Цзяэр давно не придавал значения подобным мелочам.

Заслонив лицо ладонью, он недовольно проворчал:

— Хао-цзы, ты напроситься решил?

— Я вообще-то завтрак приготовил, — фыркнул Ван Хао. — Так что давай шевелись. Забыл, что у нас сегодня важное дело? Вчера ты мне с пеной у рта доказывал, что все под контролем, а сам дрыхнешь до обеда.

При упоминании о важном деле Цзяэр почувствовал укол совести. Он отвел взгляд и негромко, слегка смущенно пробормотал:

— Помню я все. Иди давай, я сейчас умоюсь и выйду.

Ван Хао уже развернулся к выходу, но его взгляд снова зацепился за нелепый огромный вольер. На лице друга отразилась сложная гамма эмоций.

— Слушай, Цзяэр, я, конечно, знаю, что ты проектируешь игрушки для кошек, но превратить собственную спальню в филиал кошачьего питомника — это уже диагноз. У тебя имя ведь созвучно с «глупышом», но ты, похоже, действительно решил оправдать это прозвище.

Ван Хао покачал головой. Впрочем, стоило признать: кошачьи игрушки, созданные его другом, пользовались бешеной популярностью по всему миру. Едва очередная новинка появлялась в продаже, как владельцы пушистых питомцев сметали ее с полок в первые же часы.

Цзяэр бережно опустил рамку на тумбочку. На старом, слегка пожелтевшем от времени листке была аккуратно нарисована маленькая девочка лет четырех-пяти. На ней было пышное розовое платьице, а волосы украшали забавные хвостики — настоящая маленькая принцесса. Это была не фотография, а любительский рисунок от руки, местами потертый, но тщательно сохраненный. Прежде чем убрать руку, Цзяэр осторожно поправил рамку, следя, чтобы она стояла ровно.

Ван Хао прекрасно знал, как его друг дорожит этим рисунком. Еще бы, ведь на нем была

запечатлена его первая любовь — девочка из детского сада, с которой они познакомились больше двадцати лет назад. Ван Хао тогда сам присутствовал при их первой встрече. С точки зрения взрослого человека, это была обычная детская игра в песочнице, да к тому же Цзяэр умудрился довести девчущку до слез. Кто бы мог подумать, что он пронесет это воспоминание через всю жизнь?

Раньше Ван Хао частенько подкалывал друга по этому поводу — шутка ли, поцеловал девчонку, напугал до слез какими-то дурацкими подарками, а та возьми и переведись на следующий день в другой садик. Наверняка ведь сбежала от греха подальше!

Но теперь Ван Хао было не до смеха. Цзяэр уже двадцать лет хранил верность этой призрачной памяти и за все время ни разу ни с кем не встречался. Ван Хао это не на шутку тревожило.

Ладно бы они знали, где она сейчас. Но девчонка бесследно исчезла двадцать лет назад. Она была ровесницей его младшей сестры, Ван Мяо, которой в этом году как раз стукнуло двадцать четыре. Девушки в таком возрасте обычно повсюду крутят романы, а некоторые уже и замуж выходят. Сам Ван Хао и Цзяэр были на два года старше — им уже исполнилось по двадцать шесть, а этот горе-романтик еще ни разу в жизни даже за руку никого не держал!

На лице Ван Хао отразилась глубокая скорбь заботливой мамы, чей перерзевший сын никак не найдет себе невесту. Они с Цзяэром дружили с пеленок, и Ван Хао любил его не меньше, чем родную сестру. Он твердо решил, что им нужно серьезно поговорить по душам. Но это подождет. Сейчас перед ними стояла куда более насущная задача — проучить мерзавца, который посмел водить за нос его сестренку Ван Мяо и крутить романы за ее спиной сразу с несколькими девицами.

— Ладно, давай за стол. Поедим и поедем на разведку. — Ван Хао осекся и подозрительно прищурился: — Кстати, ты ведь ничего не разболтал Мяомяо?

Цзяэр закатил глаза. Солнечный свет мягко очерчивал его безупречное лицо, на котором еще играл сонный румянец. Кожа была гладкой, без единого изъяна, а в больших округлых глазах вспыхивали озорные искорки.

Даже Ван Хао, видевший друга чуть ли не каждый день на протяжении четверти века, на секунду завис. Цзяэр всегда был чертовски хорош собой. В школьные годы Ван Хао мешками таскал ему любовные записки от воздыхателей обоих полов. Да-да, признания ему строчили и девчонки, и парни. В свое время у бедного Ван Хао от этого едва шаблон не треснул, но со временем он просто привык.

Странно было другое: после восемнадцати лет Цзяэр словно законсервировался. Время для него будто остановилось. Посторонние люди до сих пор принимали его за старшеклассника. Даже двадцатичетырехлетняя Ван Мяо на его фоне выглядела старшей сестрой, из-за чего жутко злилась последние пару лет.

Цзяэр, шлепая тапочками, скрылся в ванной.

Провожая его взглядом, Ван Хао невольно посмотрел на портрет девочки. Даже в столь нежном возрасте ее черты лица поражали своей утонченной красотой. Пожалуй, она была единственной, кто мог бы сравниться внешностью с Цзяэром. Немудрено, что этот дурень сохнет по ней уже двадцать лет.

Ван Хао вздохнул, мысленно окрестил девчонку «проклятым искушением» и вышел из спальни. В конце концов, даже если она найдется, с лицом восемнадцатилетнего подростка Цзяэр скорее доведет взрослую двадцатичетырехлетнюю женщину до инфаркта.

Быстро приведя себя в порядок, Цзяэр вышел в гостиную, вертя в руках телефон. Проходя мимо огромного вольера, он на секунду задержался, привычным движением потерев ладонью шерстяной клубок размером с баскетбольный мяч и только после этого сел за обеденный стол.

Едва он протянул руку к тарелке, как сидевший рядом Ван Хао легонько хлопнул его по плечу:

— Не бойся, остыло уже. Я специально в холодильник ненадолго поставил.

Странностей у Цзяэра хватало на троих. Дизайнер кошачьих игрушек, который спит в вольере, панически боится горячей еды — у него была самая настоящая «кошачья хватка» на температуру, — обожает кошек, но за всю жизнь не завел ни одной, зато приютил крошечного хомяка. Близкие друзья давно свыклись с этими причудами и не задавали лишних вопросов.

Цзяэр буркнул слова благодарности и принялся за еду. Они были близки как братья — разве что одни трусы на двоих не носили, зато в младенчестве буквально питались из одного источника. К слову, история появления Цзяэра в семье была весьма примечательной.

Его вырастил приемный отец — чудаковатый старик-даос Линь, у которого Цзяэр официально числился учеником. Сам старик любил величать себя «великим мастером, скрывающимся в суете мирской», к чему Цзяэр всегда относился с изрядной долей скепсиса. Даос вечно пропадал неизвестно где, а в один прекрасный день притащил в дом младенца. Естественно, одинокий монах понятия не имел, что делать с кричащим от голода кульком. На истошный детский плач прибежали соседи — чета Ван. Маленькому Ван Хао тогда едва исполнилось полгода. Мать Ван, увидев измученного младенца и совершенно растерянного даоса, сжалилась над сиротой, решив, что сосед украл ребенка. Когда недоразумение разрешилось, она просто забрала Цзяэра к себе и выкормила вместе с собственным сыном. Старик Линь вздохнул с облегчением и со спокойной совестью спихнул заботы о приемыше на соседей, продолжая свои бесконечные странствия. Так Цзяэр и вырос в семье Ван, где его любили как родного сына.

— Ты точно уверен, что этот ублюдок изменяет Мяомяо? — наевшись, спросил Цзяэр.

Если этот мерзавец действительно посмел обидеть их девочку, пощады ему не будет. Глаза Цзяэра холодно блеснули, зрачки на долю секунды сузились.

Ван Хао мрачно кивнул:

— Своими глазами видел. Мяомя пока ничего не говори, сначала выследим его, заждем в углу и устроим такую веселую жизнь, что он дорогу к нашему дому забудет.

— Идет, — Цзяэр аккуратно вытер губы салфеткой, и это движение вышло у него до странности изящным, неуловимо напоминая кошку, умывающую мордочку после сытного обеда.

Парни поднялись, собираясь на выход. Заметив, что Ван Хао где-то застрял, Цзяэр окликнул его:

— Хао-цзы, ты чего там возишься? Погнали.

— Сейчас, только мелкому корму подсыплю.

Ван Хао сидел на корточках перед клеткой, где обитал пушистый зверек — забавный хомячок палево-белого окраса. Стоя на задних лапках, грызун ловко запихивал передними лапками зерна за щеки, раздуваясь прямо на глазах.

Вдруг раздался голос Цзяэра. Хомяк мгновенно замер, словно подавившись кормом, его крошечные черные глазки в панике забегали по клетке.

Стоило тяжелым шагам Цзяэра приблизиться, как шерсть на грызуне встала дыбом, а тельце забила мелкая дрожь. Когда Цзяэр заглянул в клетку, хомяк закатил глаза и с глухим стуком шмякнулся со второго яруса своего домика на опилки, задрал лапки и перестав подавать признаки жизни.

Ван Хао, наблюдавший эту картину, тяжело вздохнул:

— Да уж, годы идут, а этот трус все так же изображает дохляка при твоём появлении. Ты его кормишь, ухаживаешь, а он тебя боится до икоты. Что за чудное создание.

Цзяэр издал тихий смешок. Вид притворяющегося мертвым хомяка, у которого от страха подергивались усы, вызвал у него хищное любопытство.

Он медленно опустился перед клеткой и просунул палец сквозь прутья. По мере приближения его холеного пальца с аккуратным, розоватым ногтем хомяк затрепетал еще сильнее. Цзяэр легонько ткнул зверька в мягкое белое брюшко. Хомяка затрясло так, будто через него пропустили ток.

Цзяэр откровенно развлекался. Ван Хао, глядя на эту сцену, поймал себя на странной мысли: точно так же домашняя кошка лениво поигрывает с пойманной мышью перед тем, как

перекусить ей хребет.

Образ развлекающегося хищника так органично наложился на фигуру Цзяэра, что Ван Хао на мгновение опешил. Но стоило другу дружески похлопать его по плечу, как наваждение рассеялось.

— Эй, ты чего завис?

— Да так... задумался, — пробормотал Ван Хао, решив промолчать. Не говорить же другу, что тот только что выглядел как заправский котяра. — Время поджигает, пошли.

Едва за парнями захлопнулась входная дверь, «мертвый» хомяк мгновенно ожил, перевернулся на лапки и жалобно запищал, прижимая лапки к колотящемуся сердцу.

«Мамочки, эта огромная кошка просто невыносима!»

<http://bllate.org/book/18337/1797130>